

КАЛИНИНГРАДСКАЯ РАБОЧАЯ ГРУППА "93 IN 39"
КЛУБ ПОЭЗИИ И АВТОРСКОЙ ПЕСНИ "АДЕЛАИДА"
И БРАТСТВО ПО ВОДЕ (АЛЬТЕРЫ САЛАНГАМЕНЫ)

ПРЕДСТАВЛЯЮТ

А

В

А

В

И

Г

В

М

В

И

В

литературный

альманах

народа Звезды

Вып. 53. ЭЛИАС ОТИС,
Ч. 10 (СВОБОДНЫЙ СТИХ)

Литературный альманах Народа Звезды

ДАДАНГАМЕНА

Вып. 53.

*Антология материалов 2002-2006 года
с корректурой и добавлениями.*

*Копирование и распространение всего журнала и его отдельных материалов
разрешено и приветствуется при условии ссылки на автора материала
и указания электронного адреса журнала (<http://apokrif93.a-z-o-t.com>).*

Сopyright:

- © Клуб поэзии и авторской песни
«Аделаида», 2002-2006;
- © Братство по Воде, 2002-2006;
- © Калининградская рабочая группа
«93 in 39», 2014;

а также авторы журнала:

Элиас Отис, ч. 10
(свободный стих)

Algidus
(рисунок на обложке)

Редактор, корректор, верстальщик:
Fr. Nyarlathotep Otis.
236000 Калининград,
ул. Нарвская 17, 11.
<http://alther.narod.ru>
<http://apokrif93.a-z-o-t.com>
E-mail: 93in39@gmail.com

Глас Глас

(свободный стих)

* * *

Астральный свет.
Что может быть страшнее?
Невинной красоты
поющая спираль.
Сведя на нет
забытые траншеи,
я уношу мечты
в синеющую даль.

И что с того,
что я небезнадёжен?
Я не прошу простить
меня за хвастовство:
за баловство
я поплатился кожей,
пытавшейся прикрыть
слепое естество.

Опять взакала
во мне мой дух постельный,
и на траве Судьбы —
разбитое стекло.
Среди зеркал
я вижу крест нательный:
я не совсем забыл
то, что меня влекло.

Почти угас
мой безупречный шарм.
Опять танцуешь ты,
не глядя на метель.
Не в бровь, а в глаз
я расплачусь со старым,
устан от суеты
и не прикрыв постель.

Биолог и Кот

Басня

Один Биолог, вздумав обнаружить
В животных душу,
Кота нашёл
И водрузил на стол.
К мозгам приставил электроды,
Взял в руки скальпель и пинцет,
Стремясь найти — не душу, так хоть что-то:
Хоть след.
Закрыв все двери, чтоб — без лишних хлопот,
И начал опыт.
Часа четыре вскрытье продолжалось,
Но — что за жалость!—
Последний испустив вдруг вздох,
Кот сдох.
Но, отрицательным доволен результатом,
Биолог взял тетрадь и пишет там:
«Душа, быть может, свойственна приматам,
Но не Котам.
А опыт следующий будет
На людях».

*

Мораль проста
От века и до века:
Вскрывающий Кота
Дойдёт до Человека.

Вариации в стиле Rock

Смазанные

оранжем,
робкие

Джазовые

аранжи-
ровки.

Блюзово-

рок-н-
рольная

музыка

локонов
вольных.

Реками,

льющимися
к солнцу,

рэггей,

поющиеся
в голос.

Взгляды

в ящики
складывающие

Раду-

ющие
баллады:

Музыка

в стиле
Rock.

Вены полночи

Всё, что неуклюже
отуплено,
Всё, что невесомо
изрисовано,
Взору подсознания не нужно
И уйдёт из памяти бескровно.

Всё, что передёргано
и дорого нам,
Всё, что перечислено
количеством,
Льётся кровью жизненной по органам,
В жилах отдаётся электричеством.

Всё, что в нас отвёрстое
и чёрстное,
Всё, что кровью нашею
покрашено,
Бьётся в нас, экзаменами всхлестывая,
Памятью безвременною взбуживая.

Всё, что кровью изгнанною
брызгает,
Всё, что пахнет месяцами
ненависти,
Издаёт пронзительные взвизги,
Зло не в состоянии не навести.

Всё, что ненавидели
и видели,
Всё, что знали раньше, чем
умолкнули,
На поверхность матовую выделили,
В двери ли вкопачивая,
в окна ли.

Всё, что пахнет веленною
зеленью,
Всё, что хорохорится
над городом,
В горло нам
наследуется зельем,
Взглядом закопачивая гордым.

Всё, что вёсны розовые
 врезывает,
Всё, что достаётся потом
 с опытом,
В воздухе растаивает резво
В дни, когда уже не ясно, что потом.

В этой разнице
 виновен разве я?
Я ли ветром встрескиваю
 верески,
Полночью блистательно сбрасывая
Звёзды дня — туманные и зверские?

Я ли дни серебряные
 трескаю,
Полулуние волчье
 восточа,
В города неведомые — энские—
Продавая ветреные ночи?

Ветер и дождь

Солнце.
Горящее
яблоко.
Оловянные
постройки
облаков.
Выкрашенное
синей
краской
небо —
обитель
богов.
На нём,
на заплёванном
небе,
корабли
пролетающих
чаек
вырисовывают
замысловатые
петли,
парусами
махнут
отчаянно.
Ветер.
Он еле движется,
ленивый,
как морское
чудовище.
Деревья,
лезущие
из-под земли,
качают
ветвями
тощими.
И под небом —
хрустальные
лужи
пролившегося
дождя,
которые
ветер
на земле
оставлял,
уходя.

Волки

Где вы,

жаущие
пищи.

тыщи
и тыщи.

вольные
вои
вокально-
инструментального
воя.

,
серого
севера

,
вертящие
ветер.

,
вестники
Смерти.

!
Вольные

Только
они.

ТОЛЬКО

,

,

,

.

! —

видите? —

!

!

Клыками

камень

точат

,
жадущие

ночи.

—
вольные

вои

вокально-

инструментального

воя.

Где они?..

Где вы?..

Где мы?..

Врата Рая

Я своё ребро
 никому не дам:
Пусть не просит старик Саваоф!
Это всё старо
 для господ и дам,
Только я — не таков!

Мне из рёбер поделок не надо,
Ну, а яблоко — будьте добры!
Улечу я из Райского Сада!
Улечу я из этой дыры!

А под ним —
 всё огни
Огненной Геенны.
Судный час —
 не для нас,
Господа Дэмьены!

Из-за этого яблока
Прогоняют меня,
Как паршивого зяблика
Наступившего дня.

Прогоняешь меня, Саваоф?
Бог с тобою!
Я избавлюсь от этих оков,
Что зовут Судьбою!

Похожу пока по земле,
Похожу по ней босиком:
Здесь мне будет ещё теплей,
Здесь я каждой твари знаком.

И, найдя обетованный край —
Тот, что видел во сне, —
Я отгрохаю собственный Рай:
Позавидуешь мне!

Я повешу на дверь печать,
Хоть ты будешь громко кричать:
«Двери мне открой! всё прощу!!!»
Будешь карами ты стращать
И в ворота жезлом стучать...
Только хрен я тебя пущу!

Время

Тебя
ни о чём
не спрашиваю:
Любовь отравляя в ревность,
живёт в моих жилах
страшное,
пропахшее плесенью
Время.

Распухшее,
злое,
проглоченное,
меня миражами пилит,
впечатавшись
в рифмы точные
следами каблучных шпилек.

Плывут от тебя —
в Неведомое,
дрожа
заповедной ланью,
смешав
с деревенской ведьмою
портреты древесных ламий.

И виснуть
на тонком проводе
тебе не даёт,
наверное,
густая сметана проседи
на ржавом затылке Времени.

Выгорело свечой

Выгорело свечой
сердце,
сплюнули через плечо
черти,
сердятся,
серебром заклиная
за клинами
перелётными.
Долго ли?..
Вспомнили
время,
врезались
чёрным лезвием,
в руки ложились,
как в рукопись
строка непокорная
прячется.
Перечеркнули.
Переписали начисто.
Вылакали.
Да только не спится:
вылился
молоком волчицы
свет
поднебесной
песней.
Строки с нотами —
в дружбе:
падают звёзды
в лужи,
искренне разбиваясь
искрами,
радугой
радуясь.
Выждали до утра
вечер.
Спрятаться от утрат
нечем.
Вечная память
строчкам,
лежащимся
в переплёты!

Перечитали
росчерк
старые ноты,
новые...

Но ты

остался

утренним звоном,
звука и цвета
ребёнок,
звёздный ребёнок.

Строки
небрежно-нежны
в снежной руке
бумаги.

Где же ты,
магия? —
выгорела свечой
чёрной...

Выстрелы С Той Стороны

Слышатся Выстрелы
С Той Стороны.
Что-то нарушено
в памяти лет.
Ты — ...обнаружена?..
Кажется, нет.
Что же мы выскребли?
Только ли — сны?

Стоном материи,
криком души
Мы разрываемся
меж площадей.
Плачем — и каемся,
любим людей,
Ломимся в двери, — и
снова в тиши

Слышатся Выстрелы
С Той Стороны,
Лет громыхание,
шелест знамён,
Грозное, странное
эхо времён.
Что же мы выскребли?
Только ли — сны?

Высший балл

Правдоверы
 овдвели:
Высший балл —
 у вышибал.
Запах
 серы
 скрыли
 двери.
Пел,
 успел,
 убил,
 догнал.
Тропы стелет
 опустело
Ветер,
 вечер,
 неги
 снег.
Дездемону ждёт Отелло,
Словно — осень по весне.
Не сорвала лавры осень,
Не соврала сварой ночь.
Слёзы
 косят
 на допросе,
Тенью строчек
 гонят прочь.
И сотрут портреты проседь,
Песни слыша вышибал,
Если снегом просит осень
 высший балл...

Серые тени —
в стены
прячутся,
тают,
хвостами
впиваясь
в губы.
В ладони.
В камень.
Пламени языки
волосы лижут.
Ближе!
Ближе,
мой маленький брат!
Ближе растём
из расстёгнутых
пуговиц, молний —
в безмолвии,
в шелесте,
вместе —
ночами
молчания.
Чаяли,
ведали,
видели
в самом ли деле,
воду делили
губами,
глазами,
руками...
Каменные ограды
рады нам.
Рядом —
взгляды
тысячеликие.
Молнии блики.
Я
на твоём плече
плачу
от счастья,
грею слова
тобою:
кто я?

Стены сломали:
ближе!
Вижу тебя,
растворившейся
в камне.
В глазах.
В ладонях.
До́ неба,
маленький брат,
крылья возносят.
Осень.
С облака падаем
взглядами,
выстрелом —
быстро
в шёпоте листьев.
Шорохом лисьим
мыши испуганы.
Мы же
с тобой
на двоих —
крови одной, —
ближе!
Ближе, мой маленький брат!
Ближе!
ближе!
ближе!..

Голова

Оторви мою голову
 к чёрту:
Голову
 большую
 и гордую,—
Чтобы всё,
 что осталось
 чёрствое,
Сгнуло
 на Кладбище
 Города!

Оторви мою голову
 на фиг,
Зашвырни её
 в лунку для гольфа,
Чтоб наследники
 Русской
 Мафии
Не долбили мне палками
 голову!

Оторви мою голову
 на хрен—
Голову,
 сумасшествием
 тронутую:
Пусть она
 покатится барином
С изумрудно-зелёного
 трона!

Оторви мою голову
 на хер!
Запихни её в банку
 с компотом
Да засыпь
 посильнее
 сахаром
Вопреки
 обывательским по́тугам!

Оторви мою голову
в жопу!
Положи её
в маминной спальне,
Чтобы камни
кричали
шёпотом
О судьбе моей—
злой
и печальной!

Оторви мою голову
на хуй,
Выкинь голову
в мусоропровод,
Чтобы домохозяйки,
ахая,
Забыли
о розгах
ДОВОДОВ!

Оторвите мне голову к чёрту!
Оторвите мне голову на фиг!
Оторвите мне голову на хрен!
Оторвите мне голову на хер!
Оторвите мне голову в жопу!
Оторвите мне голову на хуй!

Голоса

Грозный
морозный
узор:
Череп и кости...
Кто говорит этот вздор?—
Бросьте!
 бросьте!
 бросьте!

Вновь
кровь
на белом снегу—
В три ручья:
чья?..
Вновь
на лугу змея...
Я?!
Вновь
на земле — вопрос,
Вновь
в небесах — ответ.
Голос гроз,
голос грёз,
голос слёз:
Бред!
 Бред!
 Бред!

Голоса Голода

Голод,
выгнувший спину.
Голос,
жадущий ответа.
Холод,
рвущийся снизу.
Колос,
канувший в Лето.

Череп
щерит осколки.
Честность —
частность от чести.
Вера
Ворона с Волком.
Вечность —
выстрелом в ветер.

Память
прячется в очи.
Палец
голову прячет.
Тайна
верности волчьей.
Танец
свадьбы собачьей.

Колос,
плачущий сверху.
Холод —
светом по праху.
Голос.
Вечная вежа.
Голод.
Чёрная плаха.

Двенадцать сезонов в год,
или
Как вам нравится калининградская погода?..

Двенадцать
сезонов
в год.

Декабрь.
Тепло.
Ледоход.

Январь.
Дождь.
Тепло.
Гроза.

Февраль.
Ветер.
Снег в глаза.

Двенадцать
сезонов
в год.

Март.
Ветер.
Мороз.
Гололёд.

Апрель.
Снегопад опять.

Май.
Жарко:
плюс тридцать пять.

Двенадцать
сезонов
в год.

Июнь.
Дождь:
в слезах восход.

Июль.
Дождь ещё сильнеей.

Август.
Засуха.
Суховей.

Двенадцать

сезонов

в год.

Сентябрь.

Первый снег.

Лёд.

Октябрь.

Период гроз.

Ноябрь.

Пурга.

Мороз.

Двенадцать

сезонов

в год.

Декабрь...

Тепло...

Ледоход...

двенадцать часов

открыт погребальный сезон.
от рыб ожидают слова.
и если похмелье застанет врасплох
милицейские крылья погон,
они возвратятся на юг и лягут в кровать.
рука на хряще мертвеца
глодает тепло, озорное тепло.
и тот, кто родился в отца,
успеет до трёх досчитать
и спрятать с лица
останки сухого пайка колдовского кота.
двенадцать часов.
двенадцать часов ждать рассвет, озираясь на юг,
открывши пустую ладонь.
и если печаль ожидать как свою
дорогу на берег-огонь,
осталась мечта оглянуться вокруг,
царапая очи невинных подруг,
и светом ответить в бросок
в двенадцать часов.
она ждёт любви.
он тоже хотел бы, так нет:
ему подавай колбасу
и жадные плечи заморских девиц.
от рыб до зверей и от птиц
до красных планет.
он встанет в четвёртом часу,
зови — не зови.
он выйдет ростком из разбитых теплиц
своей обетованной богом земли
и встанет под шёлк парусов
чужих адресов.
глаза тростника видят то, чего видеть нельзя.
их не отравить,
их не взять в суеты колесо.
на роли туза им увидеть ферзя
сложнее, чем пухом подушку забить
и двери закрыть на засов
в двенадцать часов.

Девочка

Девочка моя!.. — можно, я буду звать тебя так? —
Знаешь ли ты, почему моих глаз фонари
смотрят туда, где должны зажечься глаза твоих окон,
чтобы в камине моих предсердий гореть до зари?

Девочка моя! я где-то читал, что это зовётся словом Любовь, —
словом, затасканным, как шляуха после пятнадцати лет
ударной работы в порту.

(Глупо, что в нашем Великом-Могучем нет к этому слову синонимов...)
Девочка моя! я устал просыпаться в холодном поту:

просыпаться в поту оттого, что я пытаюсь забыть твоё имя,
оттого, что бешенный пёс моих слов на цепи моего языка
рвётся, роняя слюну на траву моих мыслей,
Млечный Путь твоих слёз лакать.

Девочка, ты, должно быть, совсем свихнулась от света,
если, голову очертя, мчишься меня обнять,
если, сбросив с лица тени прошлого, настоящего и будущего,
десятью змеями своих пальцев стремишься поймать меня!

Девочка моя!.. — всё равно ведь я буду звать тебя так...
Знаешь ли ты, что за мерзкий паук заплетает тебя в свою сеть?
Знаешь ли ты, что в награду за то, что зовётся словом Любовь,
всемогущие боги подарят нам то, что они называют — Смерть?..

Единственная Молитва

«Да святится Имя Твоё,
да будет воля Твоя —
на Земле, как и на Небе.
Хлеб насущный
приготовь мне на сегодняшний день,
не введи меня во искушение
и избавь меня от лукавства!» —

*Так говорил он Ей —
Той, что на Земле,
а не на Небесах,
и ждал греха
и отпущения прегрешений.*

Еретик

Кафедре физиологии биофака КГУ

Еретик!
 сознавайся
 в стоворе с Дьяволом!—
Или мы тебе в мозг
 вонзим электроды,
Чтобы сердце твоё
 в формалине плавало,
Заглушая зловонием
 запах свободы!

Еретик!
 сознавайся
 в пиршествах шабашей!—
Или мы
 просветим тебя рентгеном,
Чтоб навек угасла
 радуга радужной,
Чтобы пламя её
 отдавало тленом!

Еретик!
 сознавайся —
 в чём бы то ни было!—
Или мы такое тебе устроим!..
Мы расплавим тебя,
 как стёртую фибулу,
А число мутаций твоих —
 утроим!

Еретик!
 мы навек —
 твои инквизиторы
В лаборантских комнатах
 с дутовым мылом!
Мы из тех,
 кто любому
 суставы выдерут —
И с улыбкою скажут,
 что так и было!

Зачем?

Зачем
ты смотришь мне в глаза?
Лоза
твоих сетей опасна!
Запас но-
чей,
травы роса,
рассада
свечей,
рассвета
ясность...

Зачем
ты прячешь жесты ок
в жестоких
угольных ресницах?
Мне снится
свет,
мне снится
ток,
такой
отпетый,
златолицый.

Зачем
твой взор
скрывает плащ—
чащ
золотой узор
беспечный,
восьмиконечный
ветра плач,
удач
рисунок бесконечный?

Уйди!
под веки
взгляд
упрячь!
Горячий
яд
плесни на пламя!
Полями
реки
раскорячь!

Лети
над ди-
кими ветрами!

* * *

— Здравствуй!

— Здравствуй.

— Что скажешь?

— Снег

падает на землю

пушистыми зайчиками.

— А ещё?

— А ещё —

он уйдёт по весне,

и дождями небо заплачет.

— А ещё?

Что ты скажешь ещё?

— За весной

наступит лето

и высушит неба слёзы...

А за летом,

согнав изумрудный зной,

на землю опустится осень...

— А ещё?..

Я знаю и сам:

теплу

осень угли цветов остудит.

— А ещё?

— А ещё —

я тебя люблю.

Но об этом —

давай не будем.

Знамя Свободы

Я флагом
свободы
кружусь в небесах
над твоей
наклонённой
едва
головой.
Бумагой
под воду
ножу в волосах
переехать
пленённый
отвар
колдовской.

Я флагом
свободы
кружусь
над твоей
головой,
затуманенной
танцами сна.
И, влага
полёта,
разжуй,
не жалея,
этот знойный
экзамен
экспансии дна!

ИЗ ПЛАМЕНИ

я вышел из пламени
без роду без племени
в места отдалённые
весьма обделённые
я ждал их тогда
когда их не ждать
нельзя

я вышел из пламени
холодного пламени
дорогой далёкою
в дорогу далёкую
и верил тому
чего не принять
нельзя

но ныне не жду
но ныне не верю
но ныне я сам не свой
сгорая в аду
я в райские двери
стучу:
отвори!
открой!

Китайское

И Цзин.
Дзен.
Дзынь! —
гонги.
Хэй,
синь
Янцзы,
желтизна Хуанхэ!
Шао-Мао-Линь.
Лунь.
Цин Лун.
Семь лун —
до месяца N.
Чайная Чайна —
за тенью
стен.

Колобок

Были бы, не были бы,
если бы
пали бы на палубы
зубы.
Полубелолапые
пели бы на публику
любо.
Пели бы запоем,
пили бы.
Колобок покатился бы бы
бы-бы-быстро.
Колобок лобом бы, лобом,
пал бы полднем под облако.
Сомнамбула.
Сомвамбула.
Сомимбула.
Сон бы вам бы выбила,
выпила бы
больше, чем плохо,
хуже бы, чем было бы бы.
Гуляли бы по полю,
балками бы плакали,
с балкона бы до боли
быдло бы платками лакали,
плётками ласкали.
Падлы падали бы.
Колобку до падали ли?
Больно били бы,
больше было бы.
Дебила бы били,
децибелы бы брали пальцами
дальше некуда,
куда не дальше.
Омыты, овыты, ояты.
Выжаты, мыжаты, яжаты.
Я же не ты,
мы же не вы.
Только поле бы, поле б засеяли
злаками,
боли знаками.
Колобок, Колобок!
Съел бы ты кого бы то ни было!
Было бы некого, съел бы ты Никого!
Ты бы ни пыли, ни дыма.

Динамо-машина.

Динамо.

Дивамо.

Дивано.

Мы бы нам бы

были бы больше бы.

Было бы что бы,

чтобы было!

После — не было бы.

Колобок, Колобок,

колба на бок!

По лбу получал бы,

больно было бы.

Бы-бы-было бы бы.

Колобок покати́лся бы бы,

покати́лся бы бы

бы-бы-быстро.

Колокол

Колокол.
Колокол.
Колокол.
Колокол.
С голоду
золота
зол
молоко лакал.

Вылакал,
выровнял,
вывернул
выварень,
Вымазал
изнова
вымазью
ливера.

Тёртые,
твёрдые,
хлёсткие,
жёсткие,
Едут
последние
тени
неброские.

В полости
пола,
под покрывом
полога —
Колокол.
Колокол.
Колокол.
Колокол.

Косы

В мире,
 чёрном,
 как Квадрат Малевича,
и закрученном
 в спирали
 Архимедовы,
помнят косы
 юношеско-девичьи
про седины
 бабовы
 и дедовы.

Осени растрёпанными прядями
да плодами
 сладостно-запретными
косы
 в изморозь ноябрьскую
 падали,
скошенные
 войнами
 да бедами.

И в грязи,
 оплёваны,
 повержены,
паgadoю,
 памятью
 да патокой,
превращались косы
 в воды вешние
и в моря текли
 холодной радугой.

А оттуда,
 испаряясь к облаку
дождевой лавиной
 тёмно-стынущей,
из-под неба,
 войнами расколотого,
опадали
 снежными
 сдинами,

но хранили память
 болью
 бронзовой,
словно —
 по углям
 ногами б́осыми, —
стариков серебряные проседи, —
что когда-то были —
 просто
 косами.

Крик двора

Рвать узор
или сбить
старый сор
из избы.

На черте
соплячьё
ждёт чертей
за плечом,

через час
во враньё
вереща
вороньём.

Перед тем,
как уйти,
полететь
впереди,

растворив
крик двора...
Раз!

Два!!

Три!!!

Три!

Два!!

Раз!!!

Лето

Лето —
это
поход на край света.

Лето —
это
издалека приветы.

Лето —
это
под гитару куплеты.

Лето —
зеленью лес одетый.

Лето —
это
компас, потерянный где-то.

Лето —
это
хитросплетенье веток.

Лето —
это
море тепла и света.

Лето —
наши с тобой секреты.

Лето —
это
тысяча песен неспетых.

Лето —
это
растаявшие конфеты.

Лето —
это
лозунг: «Долой сигареты!»

Лето —
жёлтого солнца монета.

Лето —
это
вопрос без ответа.

Лето —
это
для новых стихов сюжеты.

Лето —
это
то, чего больше нету.

Лето —
это, конечно, Лето!!!

Ливерпуль

Рокефам ливерпульским и питерским

ЛиверПуль:

Аваллон,

Эльдорадо... —

Ливер пуль

зашифрован

звездой... —

Разбивает

флакон

Ленинграда,

Разве зная,

что прорван

застой?

Ночь и день.

Фонари.

Мостовые.

На щите

полупьяный

росток.

Перекрёсток

зари

чисто выем,

Перед ростом

паря на

восток.

Лоза в глаза

Я не ушёл: я просто вышел вдохнуть
Свежий дым пылающего Отечества.
Мне давит на грудь
Могильный камень фасованного человечества.

Вулканами бьют в небеса
Твои родники.
Белая, синяя, красная полоса.
Чёрная ткань — внакид.

Коронованная особа — беспородной особью.
Миллионы пар кружат бессмысленный вальс.
Скрывает очи раскосые
Падающая вуаль.

Лоза в глаза.
Пустота на тропе Безвременья.
Ноги делают шаг вперёд и два — назад,
Возвращаясь от нового к древнему.

Я не вернусь: я просто взгляну в окно
Того сарая, что звался моим Отечеством,
И спрячу хрустальный блокнот
В чулок от фасованного человечества.

Луна

Оставим цветы влюблённым,
 ибо они недолговечны.
Оставим ночь боящимся света,
 ибо она темна.
Оставим покой сонным,
 оставим радость беспечным,
Оставим кому-то лето,
 ибо нам светит луна.

Оставим дорогу уставшим,
 ибо они продолжают свой путь.
Оставим свет звезды
 тебе, Ночная Страна.
Оставим вечер познавшим,
 ибо они хотят отдохнуть.
Не будем сжигать мосты,
 ибо нам светит луна.

Оставим огонь Антарктиде,
 оставим медведю берлогу.
Оставим всё на местах:
 пусть всем воздастся сполна!
Оставим беседы о СПИДе:
 беседы здесь не помогут!
Пусть всё обратится в прах,
 ибо нам светит луна.

Оставим свои вопросы,
 ибо кто даст нам ответ?
Оставим всё тебе, печаль,
 если ты сильна.
Оставим мошенников с носом:
 дай Бог им познать свет!
Оставим своим ближним даль,
 ибо нам светит луна.

Оставим все новости
 дворовым старухам,
Оставим себе кусочек
 вчерашнего сна,
Оставим немного совести
 бессовестным шлюхам,
Когда не останется строчек
 и упадёт луна.

Маразм

Маразмы
Эразма,
соблазны
оргазма...
Сейчас мы
согласны
и праздно
причастны
к прекрасным
сарказмам
маразма...

 маразма...

 маразма...

Картины
партийных
кретинов...
Соблазны
прекрасных
маразмов...

 маразмов...

 маразмов...

МАРАЗМОВ!!!

Между летом и летом

Вот и наступила осень.
Очередная внеочередная.
Между летом и летом.
Пространство перечеркнули стрелы дождя.
Мелкого.
Между водой и водой.
Водой на небе и водой на земле.
Утро застыло между светом и светом.
Лунным и солнечным.
Утро.
Тихо.
Ничто не движется.
Кроме дождя.
Он идёт вслед за тучами.
Он падает в лужи, лежащие на грязном асфальте.
Скрипят деревья и трамваи.
Стучит дождь.
Между летом и летом.
Между светом и светом.
Между водой и водой.
Свежий и озорной.
Мокрый, как мокрая курица.
Бегаёт дождь по улице.
Падает вверх или вниз.
С неба или с земли.
Дождь.
Стучит по земле дождь.
Осенью посредине лета.
Барабаном или пулемётом.
Круги на воде отбивают такт:
Так!
Так!
Так!
Смеются облитые водою листья.
Пушатся одуванчики.
Между травой и травой.
Мокрыми белыми котятами.
Капает с крыш.
Звон.
Шуршание листьев и дождя.
Светает.
Утро!
Утро между вчера и завтра.
Утро между дождём и дождём.

Поднимающееся солнце растворяется в тучах.
Небо — серое.
Время — серое.
Тик-так!
Тик-так!
Между дождём и дождём.
Между вчера и вчера.
Между огнём и огнём.
Плачущая пора!
Осень!
Между летом и летом.
Осень!
Под утренним светом.
Дождь!
Дождь!!
Дождь!!!
Дождь! — на кого он похож?
Сердце дождя — в руках прохожих.
Сердце дождя — на что похоже?
Дождь.
Стрелы атак.
Так!
Так!
Так!

Мертвецы

Мертвецы
пашут,
мертвецы
сеют:
мертвецы
в нашем
и в чужом
пенье.
Мертвецов
флаги,
мертвецов
серость, —
а живым —
влага
и клинок
в сердце.
Мертвецы —
в небе,
мертвецы —
в море.
Удави
вепря,
посмотри
в корень.
Мертвецам —
память,
мертвецам —
вечность,
мертвецам
падать,
уронив
вечер.
Мертвецы —
в саже,
мертвецы —
сзади.
Мертвецы
пляшут
на чужих
свадьбах.
Мертвецов
голос —
по живым
душам:

подави
холод,
поспеш
слушать.
Отыщи
пальцы
на чужом
горле,
отвори
сердце
и впусти
горе.
Отыщи
голос,
что поёт
песни,
отрави
совесть
и сорви
плесень!

* * *

Может, это и есть Любовь,
когда не ждёшь взаимности,
когда просто готов сделать всё ради неё,
чтобы только видеть её, слышать её?

Может, это и есть Любовь,
когда смотришь в её окна,
проходя мимо дома, где она живёт, —
даже тогда, когда знаешь, что её там нет?

Может, это и есть Любовь,
когда делом чести становится выполнение её желаний,
когда хочется глядеть в её глаза
и смеяться от счастья?

Может, это и есть Любовь,
когда о ней думаешь только хорошо,
и мысли о ней вдохновляют на нечто великое —
или просто хорошее?

Может, это и есть Любовь?..
Но... как тогда называется то,
что правит миром, как жестокий владыка,
заставляя двигаться к краю пропасти?
Неужели это зовут тоже — любовью?!

Молочные Реки, Кисельные Берега

Только Поэты знают, что Млечный Путь — это молоко, разлитое Небесным Тельцом, а солнечный зайчик — это заяц, спустившийся с небес на землю. Только Поэты верят в то, что каждый их шаг — первый, и только Поэты помнят своё лицо, не прибегая к помощи зеркала.

Они готовы пропеть нам о том,
 что весной не бывает грозы,
О том, что зимою на землю не лягут снега.
Они готовы по травам пустить
 золотых одуванчиков зыбь
В Молочные реки, Кисельные берега.

Поэты живут рядом с теми, кто внешне
 похожи на них, как две капли воды,
И только глаза говорят, что это не так.
Поэты — не люди: Поэты приходят
 в наш мир из системы Зелёной Звезды
И строят влюблённым воздушный шалаш из песка.

Они готовы пропеть нам о том,
 что осенью листья становятся синими,
Что летом летят в Золотую страну облака.
Они готовы нырнуть с головой,
 по лезвию лести пройдя, как по линии,
В Молочные реки, Кисельные берега.

Поэты умеют стоять на краю
 под Розовым Небом Богов,
Они готовы всему подарить имена.
Они пытаются видеть глаза
 сквозь стёкла защитных очков
И песни разлуки на музыку ветра менять.

Поэты думают, что этот мир только снится им, что скоро зазвонит летающий над их головой будильничек, намекая на то, что утро уже настало. А вечером они соберутся в стаи и полетят к южному полюсу своей маленькой планеты из системы Зелёной Звезды, чтобы снова окунуть свои перья в Молочные реки, Кисельные берега.

Молчание Одиночества

Молчание Солнца

Закури!
Я вышел бы вон,
Если бы
Увидел удачу.
Шёпот на крик.
Шорох на звон.
Крик толпы —
На одинокие плачи.

Глянь окрест!
Осмотри кругом!
Видь вокруг!
Созердай околицу!
Снов оркестр,
Артиллерийский гром,
Ветра звон —
И Молчание Солнца.

Мы...

Мы —
 умы.
Вы —
 увы.
Я —
 уя.
От зимы
До листвы —
До хуя.

Я —
 уя.
Ты —
 уты.
Он —
 уон.
Не объять
Пустоты
Перезвон.

* * *

«Мы не ждали...»
Слёзы нахлынули — зря.
Как голодному — кость,
нам подкидывают врагов
на выбор.
Проглядели:
не каждый смотрящий
зряч.
Завыванье сирен,
и асфальт
задымлён и вздыблен.
Серебристые крылья
города обратили в костры.
Не пробиться в пыли
и в отчаянье уличных пробок.
В двух шагах впереди
захлебнулись слезами навзрыд;
ухмыляются сзади:
«Час возмездия — пробил!»
Без сомнений глотаем
сообщений эфирный яд,
как наёмный солдат
на прикладе
выскабливает крестик.
Кровь и боль не страшат
так,
как жгучий поток пропаганд,
боль и кровь
превращающий
в повод для новых агрессий.

12 сентября 2001 года

Надо забыть

Забвению павших

Память войны
 мешает
 радости мира.
Слёзы в глазах.
 Торжество.
 Побеждённым —
 смерть!
Год сорок пятый —
 кроваво-победный —
 минул;
надо в глаза
 живому Сегодня смотреть.

Было.
 Прошло.
 Отболело:
 зачем же —
 помнить,
верить в войну
 и точить на врага ножи?
Стоит забыть
 о грядущих —
 и прошлых войнах:
шаг не назад — вперёд,
 не на смерть — на жизнь.

Гулкое эхо.
 Звезда в ореоле славы.
Камни надгробий
 мерцают
 в тени раки.
Помнить о смерти —
 удел бесконечно слабых:
даром Забвенья
 будем плести венки!

Мир на крови,
 на памяти мёртвых —
 страшен;
время уставший прах
 подарить земле!

Радость мгновений
будет надёжным
стражем
от возвращения прошлых —
военных —
лет.

9 мая 2000 года

На Той Стороне

Она —
 златорогая,
 тонкая лань —
печатает след
 копытцами
 звонкими:
она исчезает
 в молочном тумане
с растрескавшимися
 окнами.
И свет
 застывает под мутным стеклом.
 Оно
лучами его
 исцарапано.
И сердце луны
 безвозвратно
 сломано
жестокими
 волчьими
 лапами.
Но смерти —
 нет:
 это место встречи,
и дивно вплетается образ в оклад,
как с голубицей
 целуется кречет
на той
 стороне
 стекла.

Не хочу!

А я не хочу! —
родиться —
учиться —
жениться —
работать —
родить —
умереть!
А я не хочу! —
расти —
созревать —
становиться взрослее —
умнее —
скучнее —
понятней —
нормальней —
добрее —
стареть!

А я не хочу! —
как-все-прогрессивные люди —
как-надо —
как-раньше —
как-русские —
как-мировая-общественность —
как-все-народы-в-течение-сотен-веков!
А я не хочу! —
становиться —
учёным —
поэтом —
рабочим —
врачом —
космонавтом —
солдатом —
пиратом —
и даже —
Владыкой Страны Дураков!

Я просто —
позвольте! —
я просто —
я знаю! —
мечтаю, —
мечтаю, —

МЕЧТАЮ! —
МЕЧТАЮ! —
остаться —
в конце-то концов! —
всего лишь...
всего лишь...
всего лишь...
всего лишь...
СОБОЙ!!!

Огонь в янтаре

Огонь в янтаре!
Слеза в серебре!
Песок на ковре!
Воздух!
Тепло в октябре!
Печаль на заре!
Дрова на дворе!
Звёзды!

ОГОНЬ В ЯНТАРЕ.
ОГОНЬ В ЯНТАРЕ?
ОГОНЬ В ЯНТАРЕ!
ОГОНЬ В ЯНТАРЕ...

Небеса Обетованные

Импотентно обмякла сумка,
вырываясь
из плена денег
там,
где прячется в небо
сука
и по лицам скользят
тени.
Побледнела печаль
в лицах,
на фронтах
подглазничных вздутий,
порываясь в глаза
влиться
окровавленной каплей ртути.
Головой разбросав воздух
по этапам,
по тропам куцым,
свистоплясок святые звёзды
облаками облав
облекутся.
И нальются
в окрас синий,
поглощая собой
степи,
небеса
над моей
Россией,
отряхнувшей с плеча
цепи.

Нечистая, неведомая сила
 Проснётся, в полудрёме отмечась,
 И скосит супостат сентябрьский силос
 Осколком от меча.

Сквозь индустрию бешенно-парадную
 И глаз всевидящий замочных скважин
 Я паутину тонкую порадую
 Разверстым брюхом саквояжа.

Разъясни, чудак, неясность!

Окуни меня в огонь!

Я — заморская неясность,

И таких, как я — вагон.

Следуй! падай! ведай! радуй

Голосами вечными!

На губе моей помада

Снегом изувечена.

Увидь себя! (убить! увить!)

Листай-свистай декабрь его!

Пусть отдохнёт Ди Каприо

От снега и любви!

Глоток. Платок на шее.

От суеты паршея,

Выкрашивай чужие имена!

Сургуч

тягуч.

Повесим знамя на

нити.

Тяните!

Тяните!

Вырвите с корнем печаль,

Чтобы яичницей вытек

Слиток в кузнечьих печах,

Чтобы темнела дорога,

Чтобы топить в сапоге

Грозных отрепников рокот,

Злых эпопей апогей!

Голосом бронзовым вытянуть:

Шторкою занавесь

Сапину,

ванину,

витину, —

Самую важную весть.

Укрыться одеялом с головою

И снить себе пушистую поляну,

Куда затянет небо буревое
Девичество смолянок-полонянок.
А зимний ветер
так чист и светел,
А голос льётся
на дно колодца,
И в памяти диких оргий
Зубами скрипят закаты,
И строки Гарсиа Лорки
Небесной тропой закатаны.
Кидаю ответ соловью:
— Фью!..

Не Я

Не я.
Не ты.
Шаг:
Прыг-скок!
Не яд.
Не дым.
Жаль,
Не смог
Я быть
Тем, кто —
Не в быт,
Не в ток —
В дух
Льёт
Свой
Крест.
Двух —
Влёт.
Вой —
В лес:
Бой!
Мой
Бой!
День —
Где
Тень.
Не встать
Рать на рать,
Тать на тать.
Вкривь,
Вкось —
Скрип
Звёзд,
Сон
Солнц.
Не в явь.
Не в тын.
Не я.
Не ты.

Нитка

Золотистый след протяНИИ
ТКАнитканиткани

ТКАНИИ вьюгу проткНИИ
ТКАнитканитканет

КАНЕТ нить золотая,
залатая края,
и кроя,
и кроя,
и кроя по шаблону
шальному.

По тебе и по мне
выткан

Золотистый твой след,
нитка.

Небо В ОСЕНИИвосенивосениво
СИНЕВОИИ драгоценного платья,

и заплачет-
заплатит
заплатами
латными-
ратными.

Нитка ВБЁТСЯвьётсявьётСОВБЁТ узора розу.
Ей бы ГРЕТЬСЯгретьсягретьСОГРЕТЬ меня с тобой!..

НИИИнитиниТЯНИИ грозы угрозы
бронзовой стрелой!

Мойры, нити не тяните:
тени те — не те!

ШИИИШилишилишиИШИИИИ лето света
с ветром в высоте.

Как ты, нитка, плачешь золотом по снегу?
Как ты плясешь плетью по бумаге ПЛАТЬЯ
платьяплатьяплаТЕПЛА?

Нитка ТКАНИИтканитканиТКАНЕТ в Лето:
по стеклу стекла с ДОЖДЁМ
сяДОЖДЁМСЯ весны...

сны...

сны...

Огонь Земли

Чёрный ветер.
Близится чёрный снег.
Вечер
растерзанных век.
В струях напалма
горит земля,
словно лезет на пальму
огненная змея.
Флаги! Горящие флаги!
Ветер колышется в них,
Свихнувшийся от парящей влаги,
струями сбегаящей вниз.
Огонь и вода.
Тысяча чертей!
Отдал
приказ Чародей.
Стихия Васильевна
в схватке постельной:
целуется — насильно,
объятыя — смертельны.
Багровая лава
катится колесницами.
Слава
Мятежным Птицам!
Хромой Вулкан
подыскивает место
в пасти волкам
Чёрной Бездны.
Тянутся лапы
грязной ругани:
нечего царапать
Землю плугами!
Она — кормит,
она — прощает
подобных насекомым
и гадким прыщам.
Сколько терпеть?!
Вечность — скручена.
Успеть
стать лучше!..
Попросить прощения!
От усердия заметить!

Морду щенью
распластать по земле!
Машины — на слом!
Оружие — убрать!
Расстаться со Злом!
Избавиться от Добра!
Алое пламя.
Каково им, принцесса Марго?!
Ламии
и чёрные взбесившиеся горгоны...
Вечер
растерзанных век.
Чёрный ветер
сдувает огненный снег.

Одка Книжкам

Отряхни
пыль
с книги-
Библии,
прочитай
быль
дней
незыблемых,
прочитай
книг
этих
заповедь, —
и тебя
вмиг
Яхве
сцапает.

Приоткрой
ты
том
Корановый
и нарви
цветы
жизни
заново,
огляди
снов
мир
Аллаховый, —
и узришь
кровь
досок
плаховых.

Гордись
своей
Бхагават-
Гитою,
золотом
дней
и ночей
шитою,

Пройди
 путь
 с Кришной
 вечным, —
и станешь
 суть
 ноль-
 человечком.

Поверь
 на миг
 книге-
 Авесте,
которая
 книг
 всех
 интересней,
проживи
 жизнь
 с Ахура-
 Маздою, —
и теперь
 мысль
 в мозгу
 не пастает.

Возьми
 Каббалу
 все-
 ответную,
прочти,
 что стали
 теперь
 советовать,
живи,
 законам
 Тайны
 следуя, —
умрёшь
 со стоном,
 на жизнь
 сетуя.

Mein Kampf
с Капиталом
лучше
не трогай:
иди,
малый,
Своей
Дорогой;
а если
захочешь
что
почитать, —
возьми
строчки
эти
опять!

Опус

Злоба.
 Небо.
 Оба —
 небыль.
 Обух
 хлеба,
 хобот
Феба...
Ропот,
 ибо
 злоба —
 гибель.
 Опыт,
 либо
 топот
хрипом.
Проба
 хлеба —
 опус
 НЭПа.
 Убыль
 супа.
 Шубы.
Ступа.
Репе —
 выбор:
 лепет
 выпи
 либо
 запад.
 Хрипы.
Храпы.
Любо,
 лепо:
 зубы
 лепят
 папу
 липой,
 бабу —
хрипом.
Хиши —
 трупы.
 В сыпи
 губы,

лапы
стеши,
запах,
трепет.
Типа
типи —
всхлипы
выши.
Жаба.
Хлопок.
Капай!
Хлопай!
Рыбу
любит
гипер-
любер.
Лушит
лапой
супер-
лапоть.
Груша
«АВВА»
любит
хапать.
Граб и
тополь
грабят
копа.
Гибель
крупа
сыплет
грубо.
Ряба —
в супе.
Шляпу
рубят.
Гоббер
лыбит
хобот
рыбе.
Трапы
лепит
папы
слепок.

Табор

вышил.

Запад —

в сыпи.

Грубый

лапоть

любит

лапоть.

Злоба.

Небо.

Оба —

небыль.

Оба

грубо

опыт

рубят:

супер-

пупер,

гипер-

кибер, —

либо

выпав,

либо

вышив.

Осенний сюжет

Осень бежит по траве.

Шелест могил закрывает глаза.
Звёзды останутся здесь.

Вечная пауза. Чёрные сны.
Кто-то уснёт на траве до весны.
В небе рассыплется свет.

С неба на землю спускается дождь.
Змейкой струится реки бирюзы.
Листья деревьев откроются в дрожь.
Тени ползут по воде.

Тучи. Их ветер гоняет вдали.
Тучи. Их тени лежат на земле.
Льётся вода по равнинам земли.
Тают минуты барашками лет.
Время темнеет в листве.

ОТ и ДО

От заката до рассвета,
От зимы до солнца лета,
От грядущих до бывшего,
От Гомера до Белова,
От ветров и переливов —
До берёзы и до ивы,
От клинка до автомата,
От ребёнка до солдата,
От кино до дискотеки,
От сарая до аптеки,
От задумки и идеи —
До творца и до злодея, —
Мы гуляли по планетам,
Мы не говорили Слово,
Мы не пробовали пива,
Мы ругались только матом,
Мы переходили реки —
И грустили о затях.

Памяти... Ленского

Яркий свет.
День.
Тень:
гремит пистолет,
ответного выстрела нет.
Здесь —
Смерть!
День.
Яркий свет.
— Сколько же лет?
— Кому?
— Ему.
— Неважно!
Убит — Поэт.

Песнь

«Пой,
жизнь,
вой
брызг,
тьму,
свет,
муть
лет!
Пей
гrog,
бей
в гонг!
Мой
час —
войн
часть.
Где,
Принц,
Дверь
Вниз?
Кем
взят
темп
в Ад?
В чём
Рай —
Дом
Тайн?
Я
свят,
в Явь
рад.
Весь
свет
есть? —
Нет!!!
Верь,
встань,
зверь-
лань!
Вой,
волк,
мой
слог!

Сам
ты
там
стыл,
но
жар —
сном
пар,
днём —
стих:
в нём,
в них.
Песнь-
звон,
влезь
в тон!
Крой
чёрн
рой
пчёл,
чтоб
в бровь —
толп
зов.
Миг
чист.
Книг
лист —
как
сон,
враг
зон.
Стих
такт:
тик-
так...
Тварь —
в глаз:
два!!
раз!
пять!!!!
три!!!
Взять
Рим!
Блеск
стен:

в лес —
тень,
в луг —
свет,
друг
бед.
Мой
брат —
бой,
брань!..»
И
стих
вин
стих...

Пингвинёнок

Пингвинёнок был слаб.
Он пытался увидеть рассвет.
Только раз.
Первый раз.
Он пополз, разгребая пушистыми лапами
мягкий, предутренний снег,
И лишь след
Отмороженных лап
Оставался фантазией лет.
И темно:
Так темно,
Что не видно конца,
Что не видно лица,
От яйца до яйца,
На мгновенья, на годы, навек.

Он скользил по снегам:
Прочь от глупой, ворчащей родни!
Лишь вперёд:
Через лёд,
Через снег — и туда,
Где холодные скалы ласкает вода,
Где безмолвные камни целует волна, —
Без труда,
К тем морским берегам,
Где журчит тишина,
Где щебечет весна,
Где лишь радость восхода одна.

Вот и берег морской!
Вот и выход к воде!
Вот и склон
От чужих полусонных времён.
Сердце рвётся на части:
Вперёд и вперёд!
Помаши на прощанье
оставшейся сзади холодной звезде!
Пингвинёнок кричал:
Он стремился к началу начал,
От яйца до яйца,
Где не видно конца,
Где не видно лица,
Где последний причал, —
И он умер от счастья,
Ещё не достигнув губительных вод.

ПОД

ПОД ОДЕЯЛОМ
ПОД ОБЛАКАМИ
ПОД АВТОМАТОМ
ПОД САМОЛЁТОМ

ПОД ЭТИМ НЕБОМ
ПОД ЭТУ ПЕСНЮ
ПОД ЭТИ ЗВЁЗДЫ
ПОД ЭТОТ ГОЛОС

ПОД СОН ГРЯДУЩИЙ
ПОД ВЕТЕР В СЕРДЦЕ
ПОД ДРЕВО РАЯ
ПОД ЧЁРНЫЙ ВОЛОС

ПОД СОЛНЦЕМ ЮГА
ПОД ЛУННЫМ СВЕТОМ
ПОД КАБЛУКАМИ
ПОД ЗВОН СЕКИРЫ

ПОД ВОДУ МОРЯ
ПОД БЕРЕГ РЕЧКИ
ПОД ОСТРОВ СЧАСТЬЯ
ПОД ПЕРВЫЙ КАМЕНЬ

ПОД АВТОМАТОМ
ПОД САМОЛЁТОМ
ПОД ОДЕЯЛОМ
ПОД ОБЛАКАМИ

Посмотри!

Посмотри!
Я вижу огонь, —
Не сгори!
не кричи!
не трезвонь!
Говори!
Я раскрыл ладонь, —
Не бери!
не корми!
не тронь!
Одинок
крик в ночи.
Мир жесток:
не трезвонь!
не кричи!
С нами Бог!
Кресты и мечи, —
И Восток —
как пламя свечи.
Посмотри!
не сгори!
говори!
Не бери!
не сори!
не кури!
Посмотри,
приглядись —
и замри,
И умри,
как твои снегири.

Пришёл

Я пришёл в этот мир —
голым:
с чистым сердцем,
с глазами
чистыми.

Я принёс в этот мир
голос,
что звучит
наподобие выстрела.

А уйду,
так —
вопрос ясен —
не оставляю ни сердца,
ни голоса, —
и отправлюсь
рассвет
красить
в разноцветной радуги
полосы.

Причуды природы

Тает снег.
Должно быть,
это весна?
Нет.
Здесь зима,
как прежде.
Это оттепель!
Дарит пустую надежду.
Это оттепель!
Стягивает
головы
с нас.
Дождь.
Быть может,
осень плачет?
Нет.
Это лето,
мокрое лето.
Просто дождь!
Просто небо прячется в ветошь.
Просто дождь!
И он —
ничего не значит.
Снегопад.
Неужели зима?
Нет.
По-прежнему светит осень.
Только холодно!
Снег разбивается оземь.
Только холодно!
Осень сходит с ума.
Как тепло...
Скажите,
лето пришло?..
Нет.
Ещё
не раскрылись
весенние
листья.
Как тепло!
Разукрашивают
землю
кисти.
Как тепло...
Как чертовски тепло...

Прорыв

Ко Дню космонавтики

Апрели
 прели,
Когда
 просиял
 Восток.

Светило
 стыло:
Удар
 россиян
 жесток!

Космичным
 лично
Послав
 роковой
 привет,
Взирали
 ралли
По слав
 вековой
 траве.

Дырою
 роя
Оскал
 голубых
 тенет,
Сигнальцем
 пальцев
Ласкали
 столбы
 теней.

Взирая
 рая
Песок,
 валуны
 и пыль,
Сверкнули
 пули
Высокой
 волны
 светил.

Огнями
 пламя
И блики
 оков
 прорыв,
Вздымали
 стали
Великих
 веков
 прорыв!..

Неслышно
 Лишний —
Четвёртый,
 Шестой,
 Восьмой —
На крыши
 вышел,
Отвёрстый
 пустой
 блесьмой.

Крылаты
 латы,
Бесшумны
 богов
 шаги...
Устaley
 стали...
Безумны
 Его
 Враги...

Пьяный корабль

Пьяный корабль.
Начинается новый день.
Острые сабли.
Танцуют неясные тени.

Море набрало в рот воды
И молчит.
Только барашки у берега вздыблены,
Только блестят мечи.

Ветер. Я слышу ветер.
Но это обман слуха.
Это души посланников смерти
Завораживающе ухают.

Берег задёрнут дымкой.
Кроваво-алое зарево.
Третий Рим!
Корсары!

«К бою! — Это говорит капитан. —
К бою, Солдаты Удачи!»
Наполеоновские планы.
Море стонет и плачет.

Золото. В небе слышится голос.
Плавно скользит корвет.
Не видно ни зги. «Кто здесь?!»
Молчание — ответом.

Пьяный корабль.
Роджер скрипит берцовой костью.
Акулы и крабы
Ждут нас в гости.

Не дождётесь, подлые твари!
Где вам до нашей армии!
Море — варевом,
Небо — паром.

Сухие губы.
Они ещё помнят последний плен.
Руки — грубые.
В глазах — кровавая пена.

Абордажные крючья,
Непереводимая фраза.
Караваны навьючены.
Ожиданье приказа.

Неба кусок. Тучи —
Пёстрый табор.
Живых — скручиваем.
Мёртвых — за борт.

Вечер. Ножи.
Солнце в астме.
Делёж не на жизнь —
На смерть.

Пьяный корабль.
Боевые кличи.
Старые сабли
Ждут новой добычи.

Родина

Это — Родина:
в чёрных лохмотьях,
С воспалённым блеском в глазах...
Что мне берег? —
и что мне — Родина?
На могильные плиты
виноградная лезет лоза.
Вот какая ты:
рожа бледная,
Да больничных тапочек шарк;
И всегда —
говорят —
победная, —
Но от этих побед
жарко.
Одуванчики
над поляной,
Колокольчики
над рекой...
Вечно голая,
вечно пьяная,
Ждущая хлеба
с протянутой артрозной рукой.
Это ты —
Россия облезлая...
Мне бы морду твою побрить!..
И по-прежнему —
птицы над Бездной, —
Словно — Бог:
перед тем,
как начал творить.

Рождественский Огонь

Выдыхаю на стёкла
 морозный
 рисунок,
по карманам
 растёгнутым
 льдинки
 рассунув,

расписавшись
 безграмотным следом
на некстати упавшем
 декабрьском
 снеге.

По рукам меня свяжет
 минута
 промозглая.
Небо всё же
 отважилось
 выстрелить
 звёздами.

Отражая
 дрожанье
 рождественских
 свечек,
удивляется встрече
 вечер.

Веет сыростью мокрого снега
 от зимнего
 солнцестоянья,
и молчанье
 привета последнего
 кажется
 ненастоящим.

На ладонях у ночи
 снежинки
 растают:
расставаться
 не хочется
 с сонной
 заставой,

и на пламени
 плавится
 солнце,
 такое же сонное,
отвечая
 свечами
 рождественской
 встречи,
опуская на плечи
 вечер.

Семя Смерти

Развалясь
 по завтракам
 да ужинам,
развелись
 по замужам
 и заженам.
А во мне
 недавно
 обнаружено
Семя Смерти,
 что во мне посажено.

Породнил нас,
 перцевый
 да ветреный,
свежий глас
 вопящего пустынями,
белой костью,
 берцевой
 да бедренной,
опрокинув
 чёрный ящик с дынями.

Колдовство.
 Иллюзия.
 Мистерия.
Слишком долго
 метила в дорогу я!..
И поёт
 какой-то дурень
 в стерео
о проблемах
 метеорологии.

Слишком глупо
 открестить созвездием
то, на что устала опираться я,
и креститься
 вычурным трёхперстием
чересчур
 банальной
 операции.

Сингулярный вокал

Сингулярный вокал.

Три ручья.

Вместо «здравствуй» — «пока»,

Да лицо дурака,

Да ладонь на эфесе меча.

Нет ни звуков, ни слов,

Ни огня.

Рядом благо и зло

В этом стаде козлов,

Где уже не осталось меня.

И несотканный плащ —

По плечам.

Из тропических чащ

Выйдет месяц, блестящ, —

И исчезнет, ногами стуча.

Сингулярный вокал:

Что ещё?..

Из серебряных скал

Выйдут слуги песка —

И предъявят оплаченный счёт.

* * *

Слава!
Тем, Кто Даёт Нам Жизнь,
И Тому, Кто Её Отнимет!
Вечная Слава!
Тем, Кто Способен
Воскресить И Убить
Руками Своими!

Слава Во Веки Веков!
Сыновьям, Которые
Не Смогут Родиться,
И Отцам, Которых
Не Было Никогда!
Слава!
Тому, Кто Может,
Ненавидя, Любить,
И, Не Забирая, Отдать!

Слава!
Вечная Слава!
Нам, Не Спустившим Курок,
И Вам, Убивающим Невинных!
Вечная Слава!
Во Веки Веков!
Тебе, Умеревшей До Срока,
Тебе, Казнённой Бескровно!

Слава!
Мне, Не Сумевшему Упасть,
Мне, Родившемуся До Начала Века!
Вечная Слава!
И Вечная Память!
Пусть Не Преткнётся Стопа —
Меня — Того, Что Когда-То Был Богом,
И Тебя, Остающегося Человеком!

слева и справа

слева
и справа
слава
испрела
спелой
оправой
право
апреля
берег
заставой
давит
на двери
верит
и варит
парами
перьев
ЛОВИТ
ЛЮБОВЬЮ
дует
на брови
слово
за слово
снова
и снова
смелой
оправой
право апреля
стрелы
и травы
слава
истлела
слева
и справа
слава
и слава
и слава...

случай

везучий
в сочельник
случился
случай
везучий
всучили
вчесали
все щели
вощили
вонюче
везучий
в сочельник
случился
случай
везучий
назначив
удачу
излучины
случай
измучен

Сокол

Лети,
сокол!
Гляди,
око!
В твои
перья
Сайб
верит.

Дрожат
мышы,
Ножа
тише:
Сигнал
справа
Согнал
в травы.

Тебя
просят
Объять
осень.
Назло
гонят
Козлов
кони.

Лети,
сокол!
Гляди,
око!
Тепло
входит
Во плоть
коготь.

В полёт
крылья
Восход
скрыли.
Клеста
гнезда
Листай
в воздух!

Огни
лиха
Гони
тихо!
Забудь
в прошлом
Судьбу
пошлой!

Лети,
сокол!..
Гляди,
око!..

Солнце

Солнце — жёлтое яблоко.
Солнце катится вверх,
Заброшенное чьей-то рукой.
Солнце — разбитое сердце,
Льющееся из порванных вен
Растерзанного небосвода.
Солнце плачет протуберанцами,
Бросая их в пространство
И утираясь чёрным платочком
Солнечного затмения.
Солнце — странная туча,
Которую даже ветер не в силах сдуть с места;
Но вечер сильнее ветра:
Он роняет облако солнца
В багровозакатное море.
Солнце тонет в океане,
Чтобы, пройдя под землёю,
Всплыть на другой стороне
И светить, как светило вчера.
Солнце — это нечто невообразимое:
Оно — огонь, но вода не потушит его
И не высохнет от его прикосновения.
Солнце дарит жизнь;
Оно же приносит смерть.
Солнце — жёлтый глаз неба.

Стая

Стая!

Я знаю:

твой снег

не растает.

Я же —

по-прежнему Волк.

Ветер

мне светит.

Мой бег

не заметят.

Ляжем

за Честь и за Долг!

Волки!

Не ёлки,

не снега

иголки

Режут

огни наших глаз.

Строгим —

дороги

утеха, —

и боги

Реже

приветствуют нас.

Братья!

Заплатим

в ответ

на проклятья

Блеском

железных клыков!

Честью —

по шерсти, —

и след

благовестьем

Резко

спасёт от оков.

Строка листопада

Ігорю Белову

До неизменной улицы,
вышедшей плакать,
тысячи лет —
и один
неземной поцелуй.
Так неизбежно
рассвет
поскользнётся в слякоти,
руку
дворовым псам фонарей
протянув.
Утро поёт
незнакомый мотив
«под фанеру»,
с листа,
обожжённого осенью,
списанной облаками в утиль.
Так,
поперхнувшись стихами Аполлинера,
выстрелит в сердце ветер,
сбившись с пути.
Солнце —
словно паук
в голубой паутине неба;
голос дождя
раскрывает крылья зонтам, —
и глазницы квартир,
поздним вечером
вечно ослепшие,
вглядываются в строки улиц,
подписанные —
«Стендаль».
И отчего-то,
не веря в портреты площади,
вслушиваясь
в обутый на итальянский манер
пожелтевший шарк,
раскраснеются лица
в осенний костёр
зброшенных
миллионов
таких святых
и доступных
д'Арк.

Танечка

Таня, Таня, Танечка,
спой-ка мне тихонечко,
выкинь ветку в луночку
в духе половиночки,
стеночка на стеночку.

Таня, Таня, милая,
что же я поделаю?
Плачут воды талые,
пляшут льды весёлые...
Падаю со стула я.

Кто-то варит хрючево,
кто-то взгляда птичьего
ищет с делать нечего.
К югу от Рыбачьего
слышу песнь рабочего.

Вот глаза раскосые,
вот причёски русые,
вот с какой-то кисою
пляшут сны белесые
непонятной массою.

Таня, Таня, девочка!..
Вот такая справочка,
девочка-дюймовочка!
Сношена обувочка,
да упала сливочка.

Темы

Где они,
темы?
Зелени
темень...
Велено
теми,
Кто в небесах,
Взбыстрить
обратно
Выстрел
отряда,
Чистым
обрядом
Песни писать.

Трамвай до Мадагаскара

Эй, водила,
вертай
трамвай
на сто восемьдесят!

Гони, водила,
трамвай
на Мадагаскар:

Мимо Нила,
птичьих и волчьих стай, —
всё как в рассказах

Про хилых
страусов птичий базар!

Проложи,
железнодорожник,
рельсы через проливы!

Сбежим
осторожно,
водила,
на запад Юга!

Лежи,
Мадагаскар,
не двигай свои массивы,

Нажим
усилив
на карту
испуга!

Усы трамвайного таракана
Шевелятся,
воздух массируя
яростно.

Мадагаскар —
стай его бакланов,
Зрелости солнца —
убогого, сирого —
староста
мадагаскаристый!

Эй, водила,
вертай
 трамвай
 на сто восемьдесят!

Гони, водила,
 мимо обгоревших свай
 лесного пожара!

Мимо чёрного ила
 трамвай твой
 заносится,

С силой
 страшной
 летит трамвай
 до Мадагаскара!

Ты говорил?..

Ты говорил с рекой?..

Она сказала,
что ты вчера был избран новым Богом
и что тебя ждёт ангел у вокзала:
в зелёных джинсах, в пиджаке убогом...
Я поздравляю тебя!

Ты говорил с восходом?

Он считает,
что у тебя проблемы с головою:
что ты сказал, что мухи — не летают,
и что жара бывает лишь зимою...
Мне жаль, если это так...

Ты говорил с дождём?

Он говорил нам
о старости, о смерти, о спасенье,
о том, что надо быть большим и сильным,
чтоб встретиться с любовью в воскресенье...
Но я не верю ему.

Ты говорил со мною?

Я отвечу,
что говорить со мной совсем не надо,
что смерти — нет, что головы — не лечат,
что ангел этот прилетел из Ада...
Да только — какая тебе разница?

Тяжело в ученье — легко в бою

Сегодня на тренировке
мне отбили правую руку
и левую ногу.
Теперь я сильно хромаю
и морщусь от каждого
прикосновения
к повреждённой конечности.
Ну и пусть!
Ведь если придётся драться,
я буду по-прежнему
легко передвигаться,
блокировать и наносить
удары, не чувствуя боли.
И не беда, что мне снова
отобьют правую руку
и левую ногу!
Не беда, что я буду хромать
и морщиться от каждого
прикосновения
к повреждённой конечности!
Ну и пусть!
Ведь если снова
придётся драться,
я буду по-прежнему
легко передвигаться,
блокировать и наносить
удары, не чувствуя боли.
И не беда, что мне снова
отобьют больные конечности:
ведь хоть тяжело в ученье,
но будет легко в бою!

Убийство

Стопой
 раздавлена
 улитка,
и по краям —
 потёки
 алые,
и панцирь битый —
 как улика,
опровергающая
 алиби.

Глаза — мертвы.
 И нечем слизывать
кровинки
 с мостовой
 продрогшей.
И оставляет
 росчерк
 слизистый
её
 холодная
 подошва.

Убита, —
 и рога
 не высунет,
молчаньем
 породнившись
 с Авелем:
шаги тяжёлые,
 как выстрелы,
её дорогу
 окровавили.

Преображая смерть
 в посмертие,
она
 познала тайны
 мира...

А ноги —
 даже не заметили,
И весело
 промчались
 мимо.

Удиви!

Покажи:
накажи!
Удиви:
удави!
На ножи
положи,
Позови
для любви!

Налегке
по реке
Погрози
по грязи!
Перед кем
по руке
Поразит
паразит?

Погрузи,
порази,
Покажи,
положи,
На мази
навози,
Вороживший
во ржи!

Ухожу

Ухожу,
на уста налагая печать.
Не дано промолчать,
не дано умереть безвозвратно.
Я ладонь положу
на темницу,
где сердце,
согретое кровью меча,
алой птицей,
сорвавшейся с неба,
бессмысленно спрятано.
Мне и вправду везло,
и от этого даже легко
в белый пух облаков
отправлять своё сердце
стрелой Амура,
в половину строки
умеща и зло,
и добро,
осторожно добросить
его
до уступов нахмуренных.
Ничего.
Но теперь до отваги ли?
Тетивой
от натуги звенеть,
зажигать
в сердце пламени факелы,
поджидать,
опускаться под плеть.

Ухожу,
как другие ушли от меня,
справедливо менять
бытие
на отсутствие оного.
То ли Бог, то ли шут,
я спешу
наотрез отменять
то, что мне
не завьюжило голову.
Никого.
Только тень промелькнувшая рядом.

Греть травой,
холодить оберегом реки.
Я один.
Не оставить,
в ладонях не спрятать
серых льдин,
белых звёзд огоньки.

Чашечка чая

Чашечка чая.
Пар над нею,
купола неба жёстче.
Что-то нечаянно
паром навеяно,
плюс — алюминиевой ложечкой.

Жёлтое солнце
мутным взглядом
смотрит на чашки лужи.
Чашечка полнится:
сахар складываем
кубиками сладкими к ужину.

Звёзды встают на
темнеющем небе,
словно чайинки взвешенные.
В доме уютно:
эка небыль!..
Ложечкой чай размешиваю.

Струями пара
странно дышит
чашечка чая крепкого.
Вечер распарывая,
пар колышется,
вкусом меня исковеркивая.

я никогда не увижу тебя

я
я никогда
я никогда не
я никогда не увижу
я никогда не увижу тебя
тебя
увижу тебя
не увижу тебя
никогда не увижу тебя
я никогда не увижу тебя

я
я навсегда
я навсегда остаюсь
я навсегда остаюсь без
я навсегда остаюсь без тебя
тебя
без тебя
остаюсь без тебя
навсегда остаюсь без тебя
я навсегда остаюсь без тебя

АЛЫЙ
Берег,
Воды —
Годы,
Даль
ЕЛОВЫХ
Жил,
Зал
Империй,
Кисти
Листьев, —
Мир
Нас
Обложил.
Просто
Роста
Стая
Тает,
УЛЫИ
Фронт
Хулят...
Ценен
Череп,
Шире
Щеря
Этот
Южный
Яд.